

БАГРЯНЫЕ ДНИ

Отрывок из романа «Медвежий баян»

От автора.

Роман «Медвежий баян» посвящён судьбам трёх поколений: охватывает период почти трёх четвертей прошлого века. Основные события происходят в Москве и Подмоскovie в сложные 1990-е годы. Это сугубо реалистическое произведение, основано на действительных событиях, в нём много взято из жизни: от случайного разговора в электричке до расстрела «Белого дома» 4 октября 1993 года.

Работу над романом я начал в октябре 93-го, сразу как пришёл в себя от увиденного. Пожалуй, самое главное в «Медвежьем баяне» — обыкновенные люди, с любовью и бытовыми неурядицами, с безоблачным «вчера», это то самое поколение 25–30-летних, на чьи плечи и легла вся тяжесть перемен в государстве, чьи ряды были буквально выкошены перестроечными буднями. Роман не велик по объёму, всего 170 страниц в рукописи, но работал я над ним около пяти лет. То, что увидел 4 октября, постарался передать с фотографической точностью, тем более, уже на следующий день я сделал несколько дневниковых записей.

Герои романа: служащие, журналисты, предприниматели, люди самых различных политических ориентаций, все они ищут место в жизни и пытаются осознать, что происходит вокруг. Их взаимоотношения между собой и представителями старших поколений пронизаны болезненной вязью, в которой долгие годы пребывала Россия. Ломаются судьбы, мировоззрение, и, случается, человек сходит с дистанции, теряет веру, подчас, и совесть — в этом странном и жестоком водвороте времени, безалаберном вихре перестройки. И не может быть однозначного ответа, что станет со всеми, когда этот вихрь утихнет.

Впервые роман вышел в свет малым тиражом в 2000 году (М., «Глобус», 270 с.), затем был опубликован целиком в журнале «Дон» (№ 1 и № 2 2001 г. Ростов-на-Дону).

На роман вышло несколько рецензий и отзывов в прессе: Екатерины Александровой — «Герои нашего времени» («Народная газета», 12.10.2000), Игоря Сёмина — «Когда есть что сказать» («Подольский рабочий», 19.09.2000), «Наши современники» (газета «Тверская, 13», 15–21.11.2000). «Литературная газета» писала: «Почти верится: лет через ...дцать будут изучать времечко наше именно по таким романам. Или по таким нашим малобюджетным фильмам, что обречены быть почти документальными. И тем самым бесценными, как любой документ эпохи...» (ЛГ, № 9 (5825) 28.02–6.03 2001).

В статье «Кто же мы есть?» (Москва, газета «День литературы» (№ 6 (57), май 2001 г.; «Морская газета», 16.12.2000, г. Кронштадт) известный советский писатель

Олег Шестинский отметил: «Читая романы последних лет, порой острые по проблематике, порой увлекательные по интриге, я всё ждал, когда же сотворится роман, вторгающийся не столько в интимно-личное переживания героев, как в некую самоцель, но через душевный строй раскрывающий тот нервный, мятущийся, зачастую несправедливый мир, в котором мы оказались на рубеже тысячелетий. И роман подобного типа возник — „Медвежий баян“ Сергея Грачёва... Меня заворожили в романе не столько судьбы героев сами по себе, сколько то, как они преломляются, дробятся, перекрашиваются красками эпохи, в которой и мне доводится жить».

* * *

Когда Иван Гаврилович Мурашов со своим верным адъютантом Платоном Донским очутились на Смоленской площади, то увидели толпу возбуждённых людей, а вокруг — автобусы с ОМОНОм. Между смоленским «Гастрономом» и МИДом шумели демонстранты.

— Сохраняйте спокойствие и организованность, — слышался мегафонный голос оратора, — митинг санкционирован Моссоветом.

— Кто это? — спросил Иван Гаврилович, надевая на свой крупный прямой нос очки с толстыми выпуклыми стёклами.

— Говорят, какой-то Овражцев, — пробормотал Платон, поднимаясь на мысочки. — Да, отсюда, Гаврилыч, мы не пройдем.

— А я и не собираюсь к ним присоединяться, — произнёс дед Иван. Прямо перед ним за турникетами стояли омоновцы в белых шлемах с прозрачными забралами из пластмассы. В руках — короткоствольные автоматы.

— Что за игрушки?

— Автоматы Калашникова, — пояснил Платон. — А вон, взгляни: баррикаду давят.

— Трактором! — воскликнул дед. — Богатырём российских полей! Чудеса! А это что за фантомасы? — он указал на людей с лицами, закрытыми чёрными трикотажными масками.

— МВД, наверное, — сказал невысокий мужчина в помятом пиджачке. — Вишь, наших в метро загоняют.

Послышалась ругань офицера ОМОНа:

— Ладно! Вы, москвичи, сами хороши! Кто Ельцина защищал два года назад?

Прошмыгнула реанимационная машина.

— Кого-то помяли, — говорит подросток другому. — Ромка, погнажи на «Октябрьскую», там митинг настоящий.

— Вначале на «Добрынинскую», — откликается Ромка, чадающий тонкой коричневой сигареткой, — «Октябрьская» на выход не работает.

Донской и дед, коротко посоветовавшись, решили последовать примеру столичных гаврошей.

Октябрьская площадь поразила друзей.

— Мать честная! — хриловатым густым басом произнёс дед Иван, и на него оглянулось сразу несколько человек. Выглядел дед колоритно: высокий, в длинном старом плаще, с изборождённым глубокими морщинами вытянутым лицом, Иван Гаврилович строго посверкивал очками на окутанную красными полотнищами толпу. — А вон царские флаги. Они заодно, что ли?

— Очередной трагифарс истории, — сказал Платон, снисходительно поглядывая на демонстрантов. — Жаль, плохо видно. Мне бы твой рост, Гаврилыч. — Донской не заметил, как перешёл вдруг на «ты». — Что там, на Крымском мосту? Тоже митинг?

— Пойдем-ка туда, Платон. Послушае народ, — дед заметно преобразился, он с шумом вдыхал воздух и грозно осматривал всё вокруг.

— Пошли, — вздохнул Платон. — Ты только не торопись. Я хоть и на три десятка моложе, но твои ходули не переходить.

Заряженные гневной радостью человеческие массы впитали в себя ещё двух человек. Робкие кучки милиции с дубинками и щитами в руках пропустили людей на мост.

— Ишь как лихорадит, — пробубнил Платон. — А стражи порядка не вмешиваются, растерялись.

— Но и не уходят, — добавил дед. — Ты это намотай на ус. Хотя у тебя и усов-то нет.

Внезапно впереди толпу огласили крики «ура»!

— Кого-то приветствуют.

— Это драка, Платоша, а не приветствие! — прогудел дед Иван, указывая на пленного омоновца, которого вели под руки два демонстранта с дубинками. По бледному лбу молодого пленника шёл багровый кровотокающий рубец.

— Стенка на стенку пошли.

— Быстрее, товарищи! — кричит кто-то в костюме-тройке и синем галстуке, и все ускоряют шаг. — Быстрее, пока нас не отсекали на мосту от головы колонны! — почти бегом люди устремляются с моста, мимо другой группы милиционеров, испуганно прикрывающихся щитами. Со Смоленки слышались редкие выстрелы. Кто-то крикнул: «Рукопашная!».

— Вот она! Черёмуха! — орёт мешковатый мужчина в лёгкой короткой курточке. Глаза у него водянистые на круглом лице и выпуклые, как у селедки, — под его ногами дымятся шарики-кассеты.

— Слезоточивый газ, — пищит Платон и трёт глаза. Дед Иван спокойно сбивает ногой шарики в лужу, в которую падает коленями Платон — споткнулся о брошенный солдатский котелок. Люди думают, что в Платона попали пулей и в ужасе шарахаются в стороны.

На головах демонстрантов — каски, а в руках — щиты и дубинки.

— Мать честная, сколько народу, — гудит дед Иван, помогая Платону подняться.

— И все трезвые, — добавляет Платон, стряхивая воду со штанин. — Марина меня живьём сожрёт. Скажет, что уже под заборами валяюсь.

— И все против Ельцина, — продолжает дед Иван, не слушая причитаний друга. — Чем же это он взбеленил народ? — Идущий впереди молодой человек замедлил шаг и горящими белым огнём глазами взглянул на деда, который к тому же наступил ему на пятку своим громадным башмаком.

— Дед, — зарычал парень, роняя под ноги кепку, — у него сразу обозначились высокий лоб с залысинами. — Ты зачем идёшь дед? Без тебя разберёмся. Мотай отсюда, к бабке на печку.

— Ишь ты, стрекулист! Деда учит, — ласково улыбнулся ему Иван Гаврилович и достал из кармана трубку. — Что ты знаешь о народе, борец с американским квасом?

Но молодой мужчина уже не слушал деда, он увидел брошенную солдатами дивизии Дзержинского зеленую каску и зарычал на кого-то другого:

— Извиняются, когда лягаются! — схватил каску и напялил на лысину. Другие демонстранты потрошили брошенные машины-поливалки и военные «Уралы», вытаскивая щиты.

— А ведь это бунт, Платоша, — сказал дед Иван. — Надо же, на старости лет сподобило увидеть. Настоящий — дурной и кровавый.

Колонны вползли на Новый Арбат, повернули налево и пошли вниз — к мэрии. Впереди вновь слышались выстрелы.

— Пулемёт, — как бы про себя сказал Платон.

— Холостые! — успокоил его кто-то.

Некоторое время колонне мешали пройти грузовые машины, но одну из них удалось убрать с дороги, и народ выплеснулся на Площадь Свободной России. Здесь сразу бросились в глаза шеренги баркашовцев со свастиками на рукавах.

— Это же фрицы! — прогудел дед Иван изумлённо, и от него шарахнулась в сторону бабка с первомайским флажком в руке. — Платон, добудь мне автомат. Сталин мне дозволил лишь с сибирскими рудами сражаться. Так я бедовал, что ни одного фашиста не убил. А тут — милость Божья!

— Молчи, Гаврилыч, — взмолился Платон Донской. — Ради Христа. Ведь побьют!... Если не шлёпнут вон там, под подиумом мэрии. Вместе с офицерами.

— Так это не фашисты? — продолжал гудеть дед. На него оборачивались и морщились. Громовое пятидесятитысячное «Ура» заставляет Платона трястись от страха.

— Это разброд, Платон. Глянь на символы и разумеи: хаос в народе, глупость и сумятица в умах! Они растерялись — что им делать теперь со свободой? Кого и что победили? Что они кричат, голубушка? — обратился он к молодой девушке, которая стояла рядом с высоко поднятой рукой, тыча в небо кулачком.

— Президент призывает на штурм мэрии. Вот он на трибуне, — пояснила девушка и нахмурилась. — Вы, дедушка, очень старый, поэтому и потеряли оптимизм.

— Какой такой президент? — заулыбался дед.

— Руцкой, конечно, — сказал поспешно Платон.

— А Ельцин кто?

И тут деду Ивану сразу, с трёх сторон, объяснили вкратце.

Слегка опешивший от таких новостей дед нервно запыхтел трубкой.

— Если откроют огонь, то будут повешены на стенах Кремля, — завершил эпитеты соратников разгорячённый мужчина с палочкой, — так народ решил.

— Валерка! Сбор штурмовой колонны! — заорал молодец низенького роста, в яркой импортной куртке с блестящими зелено-жёлтыми плечиками. — Пошли! — и деду Ивану показались знакомыми и голос горлопана, и его чёрный бобрик волос.

— Ба! Да это Варикашка, — сказал он. — Может и Глеб здесь шныряет, материал на статью ищет?

— Они штурмуют мэрию! — затряс локоть деда Донской, и все увидели, как охраняющие входы в мэрию омовцы растворяются в водовороте голов. Внезапно оттуда прозвучала автоматная очередь.

— Что делают, гады! — выкрикивает мужчина с палочкой.

У кого-то нервы не выдержали. Видны бледные лица солдат-дзержинцев, которые пялятся во двор с направленными на демонстрантов автоматами.

— Уезжайте! — надрывный женский голос. — Солдаты, уезжайте! Дайте им машину — пусть уедут.

— Вон, они опять, — говорит громко дед Иван и показывает пальцем в сторону подъезда мэрии.

— Кто? — спрашивает женщина с комсомольским значком на серой кофточке. Она даже подпрыгивает от любопытства.

— Фашисты, — говорит спокойно дед и объясняет. — Фотографируются. Во-он там, у входа. Ишь, ишь позы выбирают...

Женщина словно каменеет.

— Идиот старый, — выдавливая она. — Фашисты с Ельциным. Вон Жириновский, например, — она продвигается вперёд, вглядывается в баркашовцев и вдруг ахает.

Свастика, хоть и стилизованная, все равно свастика, и действует она на русского человека однозначно.

Как ни тянул Донской упрямого деда с площади, Иван Гаврилович двигался в своём направлении широкими шагами. Когда они очутились возле подъезда мэрии, сквозь толпу вели чиновника в шикарном костюме и золотых очках. Если бы не конвоиры, чиновнику пришлось бы худо.

— Это кого затрещинами награждают? — поинтересовался дед, попыхивая трубкой. — Сытых бьют, понятно.

— Поехали отсюда, Гаврилыч! — заканючил Платон, увидев лежащего в сторонке окровавленного милиционера. — Меня знобит. Я весь мокрый. В туалет хочу. Вон автобусы, говорят, до метро довезут. Марина меня убьёт, а мама Олла наложит заклятье, — он так упрашивал деда, что тот, наконец, поддался на уговоры.

Платон, не видя, что вместе с автобусами готовятся к поездке пять военных «Уралов», полез в первый попавшийся автобус.

— И то правда, поехали, — закивал дед Иван, усаживаясь в кресло. — Многое на своём веку повидал, но по мятежной Москве ещё не катался.

Но снаружи уже орал:

— Выходите из машины, товарищи! Здесь поедут с оружием. Вылазь, говорю! Скорее-скорее! — упирающегося деда Ивана со смехом вытолкнули в спину, и он прямо из дверей автобуса завалился на Платона. Хорошо, люди поддержали.

— Мужик, веди дедушку в сквер, на скамеечку, — засмеялся парень в гимнастёрке и пилотке, с автоматом в руке. В автобус спешно полезли офицеры и гражданские в касках, с дубинками, некоторые даже в бронежилетах.

Но автобус никак не заводился, и пассажиры вновь посыпались из дверей, полезли в другую машину.

— Дай, отдышусь, — дед Иван зло оттолкнул Донского и вновь поднялся в автобус, взгромоздился на переднее сиденье. Платон, до которого, наконец, дошло, что колонна идёт отнюдь не в безопасное место, последовал за дедом и с облегчением уселся рядом.

— Мэрию лихо взяли. Вместе с милиционерами, спецназом, ОМОНОм и оперативным резервом. Всех в плен. — Шчас перекурим, — сказал он, вытирая со лба пот платочком и с удовлетворением глядя вслед отъезжающей колонне. — Мы, Гаврилыч, пойдём вот так, потихонечку, по прямой — к Садовому и в метро, — указал Платон рукой. — До Смоленки, конечно, ближе, но в той каше мы уже были, — он замолк на полуслове, глядя на людей, внезапно хлынувших в их сломанный автобус. Сразу стало тесно от взволнованных пассажиров с красными флагами в руках. Один из них вытащил флаг в открытое окошко и заорал:

— На Останкино, товарищи!

И автобус, к ужасу Платона, вдруг завёлся и тронулся с места, увязываясь за ещё не исчезнувшей на повороте колонной.

Машина скоро вынырнула на Садовое кольцо и завязла в толпе демонстрантов.

— Сейчас немного отъедем и попросим остановиться, — прошептал Платон в ухо деда. И они едут. Демонстрантов становится меньше. Автобус обгоняют четыре БТРа со спецназовцами на броне.

— А это чьи? — интересуется у пассажиров дед Иван, — беляков или красняков?

У Платона перехватило дыхание. У него, что называется, отнялся язык.

— А ты сам-то чей? — игриво хлопает по костистому плечу деда сидящий позади крепкий бритоголовый мужчина в пятнистой камуфляжной форме. Он даже привстал, чтобы заглянуть в лицо старика.

— Я-то, сынок, тульский землепашец и сибирский рудокоп, — заявил дед Иван. — Четыре голодовки, три побега.

Мужчина присвистнул и обмяк на своём кресле:

— Геройский дедок. Сколько же тебе лет?

— Скоро на девятый пойдёт. Надеюсь.

— Вот это да! — восхищаются пассажиры. — Да в нём мудрости на целую Государственную Думу.

Автобус мчался к Останкино.

* * *

Мурашов свернул с Садового кольца в Проточный переулок, потому что впереди послышалось несколько отдалённых автоматных очередей. Решил пройти двориками, но там было так темно, что он направился переулками. Изредка, переговариваясь вполголоса, проходили люди, в основном мужчины; до Смоленской набережной было недалеко, и уже минут через пять он увидел Дом Советов.

Он шёл туда не только потому, что исчезли Платон и дед Иван. Два года назад он не принимал никакого участия в защите Белого дома, и поэтому испытывал некоторые угрызения совести. И когда в полночь «Эхо Москвы» сообщило, что в «скорую» обратилось около ста человек с ранениями, он решил идти и не отсиживаться в «Крупне и К» в надежде, что дед Иван и Донской вдруг позвонят сюда. Радио сообщило, что пострадали тридцать милиционеров и восемь из них с огнестрельными ранениями. Погибли два офицера: лейтенант и полковник. Необходимо было понять главное — на чьей он стороне? В норе не отсидишься. Только бы выгнать отсюда деда и Донского. Если они не загремели уже в Склиф.

Мерзкое лето предшествовало октябрьским событиям — дождливое, безобразное, оно закономерно перетекло в раннюю грязную осень. И кажется, настолько природа довлеет над Россией последние месяцы, что упадническая, декадентская аура довела народ до массового психоза. «Неужели никого не удивляет, — думал Глеб, — вооружённая осада парламента, из которого производятся вылазки, причём с такими идиотскими целями, как, например, захват штаба вооружённых сил содружества!»

Может быть, хороший воскресный солнечный день 3 октября вселил в людей надежду, что, наконец, решено разрубить гордиев узел? Правда, кем решено? Правительство — на даче в Архангельском и взятие мэрии, должно быть, восприняло как дурацкую шутку.

Глеб поёжился от пробежавших по спине мурашек. Массивная серая глыба 25-этажного здания растворялась в ночной черноте. Затем, когда он очутился на площади между мэрией и Домом Советов, он различил в некоторых окнах могильное фосфоресцирование свечей. Справа, возле сквера, десятки человек грелись у костров. Заунывно и негромко пели возле одного из них:

Капля крови густо-ой

Из груди молодой

На зеле-оную траву стекала...

Именно эта песня показалась Глебу такой грустной и безысходной, что пришло полное осознание случившегося: пролита кровь.

— Комсомолия, хорош кота тянуть за хвост! — крикнули от другого костра. — Рано хороните. «Варшавянку» давай!

— Пели уже, — нехотя отозвался кто-то, и песня замолкла.

Глеб сразу увидел своих приятелей: куртка Варикашкина с жёлтыми светоотражающими вставками бросала яркие отблески. Сергей сидел несколько поодаль от костра и готовил «коктейль Молотова». Но даже в полумраке Глеб увидел, насколько грязен Варикаша. Даже ёжик волос лоснился мазутом. Сергей повернул к подошедшему заросшее щетиной, опухшее от бессонницы лицо.

В отблесках затухающего костра с искорками в глазах он походил на полусумасшедшего алхимика, у которого уже что-то получается, но он сам не может сказать, что именно.

- Ну, герой, — произнёс в некотором замешательстве Глеб. — Драться будешь?
- Угу, — поджав губы, Варикаша взглянул на Мурашова ещё раз и вздрогнул. — Глеб, ты что ли?
- Это кто? — строго спросили от костра.
- Свой. Вместе учились. Он мне пионерский галстук повязывал и в комсомол принимал, — объяснился Варикашка поспешно.
- Из райкома? С Красной Пресни? — оживились возле костра.
- Не совсем оттуда, но грамоты имеет, — ответил Варикаша и зашипел на Глеба, открывшего было рот: — Молчи, не трепись!
- Что там, внутри? — тоже шёпотом спросил Глеб, вспомнив, как панк Варикаша посмеивался над его грамотами «За активную работу по коммунистическому воспитанию молодёжи» и «За успехи в общественной работе».
- Связь плохая. Света нет. Депутаты в войска выехали. Говорят, мотострелковая, целая бригада — на подмогу идёт. Останешься?
- Глеб взглянул в серый, теряющийся в чёрной пустоте айсберг здания:
- Вряд ли.
- Ну-ну... Ты только не болтай ничего. Вчера накуролесили, а сейчас шпионов вылавливаем.

Невольно подумалось, что они победят, и что Варикаша станет через пару дней каким-нибудь большим чекистом. Глеб не мог даже подумать, что через четыре часа почти никого из этих людей здесь не будет. А те, что останутся, будут в виде окровавленных мешков возле разблёванных костров. А спустя ещё несколько часов, Варикаша, обезумевший и полуоглохший от боя, будет отстреливаться на первом этаже здания и умрёт, прошитый трассерами, с криком «Где патроны!? За советскую власть!». Умрёт почти мгновенно, а стайка красных жуков, пролетевшая сквозь него, унесёт душу куда-то в черноту каменного айсберга. А тело его исчезнет бесследно.

- Валерка, иди сюда! К нам пришли, — крикнул Варикаша в сторону растущих в палисаднике возле самого парламента сосен, резко очерченных кустом.
- И этот здесь, — кивнул Глеб, который почему-то был уверен, что Дружбин вряд ли способен со вчерашнего дня проторчать тут ещё и ночь — до самого утра.
- Сигареты принёс? — потребовал с ходу Валерка, присаживаясь на осколок бордюрного камня. — Ух, холодный! Геморрой заработаешь. — Он тут же встал и вытащил из протянутой пачки «Союз-Аполлон» сразу три сигареты. — Впрок. Ты где вчера был, Глеб? Здесь такое... — он прикурил, затянулся и с наслаждением, пропустив дым сквозь лёгкие, выпустил целый клуб. — Класс! «Останкино» взяли и мэрию, — он указал с гордостью на высотное, схожее с развёрнутой книгой здание. Вот до Кремля бы ещё добраться. Бэтээр вчера захватили с Варикашкой. Полный боекомплект.
- Ладно врать-то, — буркнул Сергей, продолжая колдовать над пробкой на бутылке с горючей смесью.
- А я слышал, телебашня отбита, — произнёс Глеб и прикусил язык: так свирепо на него взглянул Варикаша.

— Ментов вчера разоружили, — продолжал Валерка. — Я дубинкой лично премьер-министру по сусалам отвесил.

— Заместителю, — поправил Варикаша менторски.

— Это кого ж?

— Неважно. Сейчас связанный — в холодной.

— А если будет штурм!

— Какой штурм?! — Валерка даже сплюнул. — У нас оружие. В доме три подземных этажа, туннели, бункера, артезианские скважины. Как их мочили, — Валерка стиснул кулаки и потянулся. — Две роты ОМОНа по стенкам размазали. Они, суки, нас из автоматов, а мы их оружием пролетариата — по сусалам, по сусалам!

— Из «Останкино» сведений нет. Почему по телевизору ничего не говорят? Макашов небось всех журналистов шлёпнул, с него станется, — продолжал размышлять вслух Валерка, потом засмеялся. — Ты вовремя из газеты слинял. Я всегда подозревал в тебе жидовское предвидение. Или мама Олла нагадала?

— Поттише..! — Варикаша назвал приятеля непечатно. — У самого грассер Сахаревича. И нижняя губа...

— Ладно, ладно, — осклабился Валерка, потом, швырнув окурочек в сторону костра, произнёс. — Может ещё людей надо послать в «Останкино»?

— Сотню уже послали на грузовиках. Здесь-то должен кто-то находиться. Ельциноидов Гайдар собирает возле Моссовета. Могут сюда сунуться.

— Пускай! — Валерка поднял из-за канистры с бензином металлический прут арматуры, взвесил его в руке. Глебу показалось, что на конце прута запеклась кровь.

— А в Дом можно пройти? — спросил Глеб.

— Комендантский час, до семи ноль-ноль. Ну, конечно, с нами, можно. А так шлёпнут. Слушай, Глеб, пошли в Мэрию. Там чего только нет! — вдруг загорелся Валерка, что-то вытаскивая из кармана. — Часы видал? Золотые, у одного фраера при обыске нашёл. «Подарок», говорит, а у самого морда холёная, того гляди треснет от подарков.

— Остынь, дурак, — зарычал Варикаша. — Послушай, Глеб, увёл бы ты его отсюда, мародёра. Только и может у убитых документы проверять.

— Ты чего говоришь! — прищурился Валерка. — За такие слова...

— Ладно-ладно. Делом лучше займись. Вон пустые бутылки стоят. И что я тебя отговорил в «Останкино» ехать? Ума не приложу!

— Я в Кремль поеду.

— Ну-ну, в Алмазный фонд?

Дружбин плюнул в сердцах.

— Народу много в Доме? — надо было немного разрядить назревающий конфликт между соратниками.

— Полно, оружия мало, — Валерка купился на вопрос Мурашова. — Автомат не дали, говорят — военный билет покажи. А где мне его было взять? На зоне, что ли? Слушай, Глеб, дай мне свой билет.

— Самому пригодится.

— Да ладно, интеллигенция, — выпятил нижнюю губу Валерка, выказывая крайнее пренебрежение словам Глеба.

— Сегодня ночью на нашу сторону пэвэошники перешли, офицеры, — сказал Варикаша. — Может, дадут автоматы. А пока коллегия обороны идёт, командующие округами заседают. Может, решат чего.

— В девяносто первом тоже заседали, — усмехнулся Валерка, подтаскивая канистру к ряду пустых бутылок. — Заседали, запивали, заедали. Заседатели хреновы!

Варикаша развёл руками на такое кощунство и многозначительно поглядел на Глеба: вот, мол, с кем приходится революцию делать.

— По «Эхо Москвы», — произнёс Глеб тихо, чтобы слышал один Варикаша, — сказали: в городе Рязанская десантная дивизия, верная Президенту.

— Оружие дают? — быстро спросил Варикаша, и Глеб подумал, что делится стратегической информацией:

— Нет, вроде.

Сергей замер, переваривая услышанное, потом резко встал, напустился на Валерку:

— Ну, куда столько бензина льёшь?

— Тьфу ты! — Валерка от неожиданности плеснул себе на джинсы. — Под руку орёшь!

— На две трети, не больше, иначе не сработает, — он подошёл к Валерке, отлил немного из бутылки обратно в канистру, ловко заткнул бутылку свёрнутым клочком материи, перевернул, дав пробке пропитаться бензином, и затем поставил на землю. — Всего делов-то.

— Твёрдый порох нужен, — пробормотал Валерка. — Воткнуть, как бикфорд. Я видел в девяносто первом.

— Заладил.

— Да куда он не пойдёт, если только домой спать, — тихо заметил Мурашов Варикаше, но Валерка на этот раз услышал:

— Иди сам спи! Вы что? Меня за лявру держите?

— Слушайте, — смешался Глеб. — Я одно хочу понять. Можете меня считать центристом или просто посторонним...

— Винни-Пухом, короче, — добавил со злостью Валерка.

— Пусть так, — кивнул Мурашов. — Судя по всему, вы готовитесь и готовы убивать? Но ведь это не так просто, насколько я могу догадываться.

— Я не хочу никого убивать, к твоему сведению, — ответил Сергей спокойно. — Но мне надоело наблюдать, как вымирает нация. Голодающие старики и беспризорники — это умирание нации. Со мной везде обращаются как с быдлом: зарплату не платят и ещё смеются, пичкают буржуйской порнухой. Мне лично не нужен ни Брежнев, ни Сталин. Мне нужно спокойствие. Я должен быть уверен, что заболей мой будущий ребёнок, он получит медицинскую помощь. Бесплатно! Люди должны верить в идеалы нравственности и чести. Не могу больше жить в стране, где никто никому не верит, словно в джунглях мезозойской эры. Если это слова коммуниста, то я — коммунист.

— Хорошо сказано, — еле сдержал улыбку и удивление Глеб, он никак не ожидал услышать патетику из уст вчерашнего панка.

— Коммунисты всегда были жиганами, — осклабился Валерка.

— Помолчи, — отмахнулся от него Варикаша. — Были — среди верхушки и немало. Но теперь ворами, мошенниками стали все. Понимаешь, все!

— Ты считаешь, нам рано позволили гласность? И мы ещё не доросли до правды — даже о своём недавнем прошлом? — спросил Мурашов.

— Ты утверждаешь?

— Сам не знаю.

— Вот так многие.

У соседнего костра послышалась песня. Она была ненамного оптимистичней прежней. Чистый тенор выводил:

...Прощай, любимый город,

Уходим завтра в море.

И ранней порой мелькнёт за кормой

Знакомый платок голубой...

Глебу показалось, что он слышит смутный тяжёлый гул с Кутузовского проспекта.

— Светает, — сказал Варикаша и вгляделся в глубину города, в очертания высоток за рекой. — Шагай отсюда, Мураш. И если сможешь, — шепнул он, — его заberi. Эй! — крикнул он сразу в темноту, где багровым пятном выделялся костёр — Хорошкота за хвост тянуть! Рано прощаетесь. Давай «Варшавянку»!

Когда Глеб возвращался домой, дорогу ему пересекла колонна колёсных бронетранспортёров. Шли со стороны Щёлковского шоссе.

Один из них притормозил. Из люка высунулся солдат.

— Эй, вы на стороне Президента? — крикнул какой-то парень с тротуара.

— А кто ща Президент? — уточнил солдат.

— Ельцин, — прогудел обиженный невежеством бойца ранний прохожий. — Минут пять назад он был.

— Значит, мы за него...

* * *

— Я хотел остановить автобус на проспекте Мира, но там кругом была милиция.

— И ты не решился, — Марина Донская кивнула удовлетворённо. — Конечно, ведь тебя со столетним дедом могли посадить в Лефортово как главных мятежников!

— Прекрати, — одёрнула подругу заплаканная мама Олла, она сидела в кресле, в углу дедовой комнатухи, закутавшись в его же темно-вишнёвый плед. — Говори, Платоша. Подробно говори, я должна знать.

— Подробно... Там такое длинное здание из бетона, напротив телебашни. Мы вышли, и я хотел вести его к метро, но он зашагал за ограду. С ним решительно ничего нельзя было поделаться. Откуда энергия, сила взялись! Ведь ещё два дня назад пластом лежал, кашлял. Он наэлектризовался от толпы, от этих экзальтированных существ. Его особенно занимало присутствие рядом красных и монархических знамён. «Содом!» — грохотал он своим голосищем и похохатывал. Вглядывался в лица знаменосцев, все пытался выяснить, что их объединило. Автобусы курсировали, подвозили новых демонстрантов, и опять вокруг нас были сотни людей. Он несколько раз спрашивал, какой национальности Альберт Макашов, несколько раз назвал его пиночетом, и я думал — нас повесят в сквере. Типаж лица генерала, усы, повадки, лихой берет — на самом деле напоминают латиноамериканского вояку. Его потом, говорят, ранили. Я тащил Ивана Гавриловича назад, но он сказал...

— Что?

— Что где-то должен быть туалет.

Донская свирепо взглянула на мужа.

«Нас снимают, значит, покажут по телевизору, — сказал мне Иван Гаврилович. — И может, назовут погромщиками». А ему это не по душе. «Пойдём отсюда», — сказал он. Я возликовал, — Платон всхлипнул. — В этот момент и началась стрельба. Там информационный центр: с его этажей начали. На площади были женщины. Разбилось стекло, и что-то взорвалось.

— Ну? — поторопила Донская. — Что взорвалось?

— Не знаю. Говорили, гранатомёт. Потом отовсюду начали стрелять трассирующими. Иван Гаврилович упал, а пули высекали искры совсем рядом. Там лежали и другие, но мне показалось, в него попали первого. Он высокий, а первые очереди прошли высоко...

Я лежал на клумбе, а когда перебежал за угол, в клумбу попала очередь. По-моему, клумба развалилась на части, как пирог. Один человек с лицом, похожим на картошку, орал, что сейчас придут приднестровские войска. Но приехали машины скорой

помощи. Врачи понесли Ивана Гавриловича. Пуля попала ему в голову, чуть выше виска и сзади. В скорую грузили всех, не разбирая — живой или нет...

— Я пробирался к метро ВДНХ, а к телецентру всё ехали машины: то грузовики, то бэтээры. Ни автобусов, ни троллейбусов. Пешком до Дубовой Рощи через всю Новомосковскую шёл и до Сущевки. Дважды останавливали. «Свой, говорю, советский». Еле отговорился, что крещён. А во втором оцеплении сказал, что российский. «Контряга, — говорит пацанёнок. — К стенке!» Не пойму, почему отпустили. Я им всё про деда талдычил. Потом я его искал.

— Всю ночь?

— Да. Помогло, что у него с собой была пенсионная книжка.

Платон не стал рассказывать, как выползал на четвереньках из-под обстрела, как наткнулся на убитого мужчину, на животе которого лежала двустволка. Как Донской попытался взять «трофей», но руки убитого крепко держали своё оружие. Да и усилия-то Платон приложил смехотворно малые.

— Что он ещё говорил? — спросила мама Олла, сдерживая рыдания. Платон пожал плечами и уставился в пустую рюмку. Марина подошла к нему, взяла со столика бутылку водки и наполнила рюмку до краёв.

— Да не хочу я, — произнёс Платон и... механически выпил. Потом достал из кармана трубку деда и положил на столик. — Очень ему не понравился главнокомандующий. Кстати, Иван Гаврилович говорил, что видел в толпе одного из друзей Глеба. Он здесь бывает, со странной фамилией, в яркой курточке.

— Варикаша, — догадалась мама Олла.

— Вот-вот. Он мэрию штурмовал. Иван Гаврилович его осуждал, по-моему.

— А Глеба? Глеба вы не видели? — вдруг еле слышно произнесла мама Олла, и всем показалось, что она в полубоморочном состоянии. Она была невероятно бледной, низкий лоб Ольги Олеговны Мурашовой стал глянцево-молочным. Платон изумлённо уставился на хозяйку.

— Н-нет. Разве он не на работе?

— Я звонила ему, он ушёл в одиннадцатом часу и сказал Крупенину, что знает, где вас искать, — мама Олла закрыла рот уголком пледа и поглядела на экран телевизора, в котором был выключен звук. — Он наверняка там, — и зарыдала.

На экране танки беззвучно обстреливали Белый Дом.

* * *

Он шёл на работу в этот день под отдалённую канонаду, отчётливо слышны были автоматные очереди и взрывы. С утра армейские подразделения штурмовали Дом Советов. Боевые группы защитников Парламента прорвались сквозь блокаду, Руцкой обратился к председателю Совета Министров РФ по поводу переговоров. Говорят, много раненых и убитых. От Платона и деда нет новостей.

«Где они могли пробыть всю ночь», — думал Глеб? Эта мысль не давала покоя. Все работники «Крупа и К» сидели в отделе, приклеившись взглядами к экрану маленького черно-белого телевизора, который ради такого случая разрешил смотреть Крупенин. Танки расстреливали Белый Дом; солдаты, хоронясь за бронетехникой, пытались группами подкрасться поближе к депутатскому оплоту. Там были тысячи зевак, и Глеб решил, что Платон с дедом именно в этой толпе безоружных гражданских, которых почему-то свободно пропустили в зону уличного боя.

И он поехал туда. Мурашов прошёл к парламенту знакомым по вчерашней прогулке маршрутом — с Садового через Проточный переулок на Смоленскую набережную. Только теперь здесь было полно народу. Нескончаемым потоком люди шли и шли

сюда, а насытившись небывалым зрелищем, возвращались, с опаской оглядываясь и стараясь держаться стен. Стрельба то утихала, то разгоралась с удивительным ожесточением. Дом Советов дымился, даже с такого расстояния — метров двести — видно было, что целых окон в здании почти не осталось. Глеб остановился рядом с домом, на котором с одной стороны угла висела табличка «Смоленская набережная, 12», а с другой — «Новый Арбат, 31». Тут же стоял солидно помятый грузовик с дырами от пуль, весь облепленный зеваками. Грузовик малость обгорел, и шины ещё слегка дымились.

— Куда ты полезла? — увещевал сорокалетний мужчина энергичную женщину в брючном костюме. — Только что отсюда мужика унесли — прямо в лоб звездануло!

Женщина нехотя слезла. Вскоре Мурашов обнаружил, что на саму площадь, к мэрии десантники пускали лишь корреспондентов, но на площади, под мостом, в сквере и на эстакаде полно было народу. Пришла мысль забраться на крышу дома, благо подъезд рядом. Лифт в подъезде оказался занятым, и Глеб долго поднимался по ступенькам узких лестничных пролётов вслед за парнем с телекамерой на плече. Те, кому надоело стоять на крыше, спускались навстречу. Бесконечен поток любопытных граждан. На верхнем этаже выход на крышу оказался почему-то через жилую квартиру, оккупированную снайперами. Солдаты уже свыклись с наглой и тупой толпой и спокойно сидели, покуривали, внимательно, между тем, наблюдая за Белым Домом. Стрелять они, видимо, не хотели — слишком много было зевак на крыше, и ответный огонь мог запросто перебить чудаков: мужчин и женщин, и подростков, лазающих, как обезьяны, по пожарным лестницам.

Пожарники тушили мэрию, а Белый дом никто не тушил. Наоборот, бронетранспортёр выстрелил из пушки по верхним этажам, где, по слухам, должна была располагаться радиоточка. Сверху Мэрии стреляли, а над цокольным этажом почему-то развевался красный флаг. Над крышей — полотнище триколора. Изредка с мэрии от пуль сыпались стекла. Проследив за выстрелами, Глеб обнаружил, что из парламента стреляют по пожарникам.

На Красной Пресне, сразу за парламентом, видимо, на стадионе, кто-то сажал из крупнокалиберного пулемёта. Внизу, на площади, под низкой эстакадой, ведущей к подъезду мэрии, развлекалась молодёжь. Они перебегали по одному и группами к скверу, окружающему парламент, хоронясь по дороге у бетонных бордюров. Через сквер подбирались к углу здания. Когда пули ложились рядом, и когда начинали орать разозлённые танкисты или коммунисты с последней баррикады, народ оттягивался назад к мэрии, прятался в подземный переход, садился на корточки у цоколя, и тогда над головами явно настроенных антидепутатски людей совершенно нелогично и нереально плавал красный флаг. Никто не решался его снять. Видимо, попытки уже были...

— Болванками стреляют, — спорили подростки.

— Нет, фугасными. Вишь, как прокоптили дом.

Чуть позже выяснилось, что под флагом у мэрии сидели вооружённые люди. Кто-то прикладом изнутри здания выломал кондиционер. Что это были за люди, никто не понял, но от цоколя прыснули в разные стороны молодые хлопцы, устроившие небольшую пивнушку с видом на горящий парламент.

Разве найдёшь в этом разворошённом муравейнике деда Ивана с Донским? А если любопытных софистов занесло внутрь здания?

Кто-то с белым флагом пошёл на переговоры, и стрельба немного поутихла. Почти сразу из парламента на носилках вынесли убитого, укрытого светлой материей. Только на Красной Пресне продолжал долбить пулемётчик. Мурашов решил от греха спуститься вниз.

Во дворе мужчина лет пятидесяти, плотный, с умными карими глазами, в сереньком отечественном костюме, с абсолютным огорчением объяснял группке хмурых людей, что депутаты правы, и стрелять в них — преступление. Высокий десантник, стоящий в арке, через которую можно было со двора выйти на площадь, отрешённо смотрел на оратора, сжимая автомат. В лице парня каменная напряжённость и... равнодушие. Он напоминал машину, которую включили, дали ток, но клавишу действия не нажали. Глеб набрался наглости и продефилировал мимо него на площадь.

Вся площадь, по которой шёл Мурашов, была усыпана стёклами и останками хлипких заграждений, раздавленных поутру президентской техникой. Была кровь. Лежал мужской конёк, к длинному лезвию которого припеклась прядь тёмных волос. Мотки матово блестящей спирали Бруно уменьшались на глазах: каждый отбивал камнем на память хоть кусочек. И каждый ойкал, порезавшись. Мародёры прямо у всех на виду, пользуясь сравнительным затишьем, потрошили брошенные автомобили.

Два тощих студентика в очках сидят на металлическом ограждении поверх бордюра центральной эстакады и, видимо, гадают, кто из мародёров первым схлопочет депутатскую пулю.

«Почему я иду туда, — подумал Глеб, передвигаясь на ставших ватными ногах. — Передышка, но я иду по площади, над которой все ещё перекрещиваются трассы пуль враждующих сторон. Для тех, кто в верхних этажах, мир должен казаться иным. Ведь под ними: и в БД, и в здании СЭВ, бушует огонь. И, может быть, им сверху видно, что там, на Арбате и у метро 1905 года? Там, где канонада? Зачем я здесь? Что хочу увидеть? Трупы? Нет, их не видно, наверное, прячут где-нибудь на набережной, где маячат белые халаты. Или я хочу ворваться туда с толпой людей, гудящих на самом углу, на мостике депутатской цитадели, вломиться и громить, душить? Половину перебьют защитники. Наверное, поэтому десантура, занявшая первый этаж, не пускает безоружных граждан в здание?

— А этому, что телевизор перетаскивал, точно грабли отстрелят, — прогнозирует студент по поводу мародёров.

— Наглая рожа, — поддакнул второй, и Глеб увидел полненького мужичка, несущего на плече домкрат. Рожа у него была не столько наглой, сколько деловитой, озабоченной. Вроде как надо поскорее доделать свалившуюся неожиданно работу да прилечь дома отдохнуть.

* * *

Интересно, что с Варикашей и Валеркой? Увидеть, увидеть все собственными глазами и запомнить — вот что главное. И ещё выбраться отсюда живым — думать потом будем.

Но столько крови, сколько было в примыкающем к Белому Дому сквере, Глеб не ожидал увидеть. Земля словно специально была взрыхлена, чтобы кровь скорее ушла в неё. Но она не уходила. Август девяносто первого, которым любил козырять Валерка Дружбин, так себе разборочка, разговор за кофе из термоса. Сейчас другое дело: весёлый шабаш с шашлыками и отчаянной рубкой в капусту.

Что на лицах людей? На миру и смерть красна? Не смерть, а кровь. Вон её сколько в ухоженном палисаднике. Боже, сколько крови! Наверное, сюда стащили убитых после уничтожения заграждений на площади. И тех, кто был возле костров... А может это не кровь? Бурая, столько её бывает разве на скотобойне. Или в человеке так много крови?

«Ты кто?» — в глазах десантников, стоящих в каждом окне цокольного этажа, немой вопрос: «Зачем ты здесь? Стрелять нам в спину?» Все русские, и никто никому

больше не доверяет. За спинами десантников, в разбитых кабинетах — женщины! Кто они — секретарши, архивариусы? Или тоже зеваки, уговорившие солдат разрешить им укрыться здесь от пуль? Вряд ли десантники пустили внутрь здания зевак, значит это служащие Белого Дома.

— Дайте нам Руцкого! — кто-то кричит из толпы, накопившейся на эстакаде, недалеко от подъезда парламента. — Мы ничего ему не сделаем! Только повесим!

Глеб прошёл вдоль цокольного этажа и схоронился за редкими деревьями и соснами скверика. Здесь кучковались странные грязные люди, похожие на бомжей. Все без оружия. Они резко отличались от тех, кто пришёл сюда сегодня, хмуро глядели друг на друга, будто мысленно разговаривали, и помятые, небритые их лица напоминали физиономии пьяниц третьего дня запоя. «Те, кто не успел укрыться в Белом доме», — подумал Глеб. Они выжидали, пытаясь теперь смешаться с толпой. Но толпа сторонилась их. — Враги!

— Мураш! — внезапно позвал кто-то из них, и Мурашову захотелось спрятаться за сосной, сделать вид, что не слышит. Это был Валерка. Он тенью скользнул под сосну. Вид его был страшен.

С грязного и в то же время серого лица глядели совершенно безумные глаза с громадными зрачками наркомана. На пальцах грязных рук кровоточили сорванные заусенцы. По службе в армии Глеб помнил, что так срывает заусенцы при разборке и сборке новенького автомата. — Ты давно здесь?

— Недавно. Деда с Платоном все ищу.

— Не видел. Сюда, значит, пропускают всех подряд?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— А выйти тоже можно?

— Думаю, можно. По набережной, и влево, переулками — на Садовое. Думаю, в крайнем случае можно дойти до Парка Культуры, — он достал платок. — Послуньявь и вытри лицо и руки. От тебя пахнет костром. Если будут обыскивать... Оружия нет?

— Н-нет. При себе.

— Эти парни с расстёгнутыми воротниками, в тельняшках, кто?

— Эти, что Руцкого требуют? — криво ухмыльнулся Валерка. — Бывшие воины-интернационалисты. Афган.

— Наро-од! Помогите нам! — вдруг послышался приглушённый мужской крик откуда-то сверху.

— Проснулся! — злорадно закричали в ответ с эстакады.

— На помощь зовут, — прошептал Валерка, размазывая рукавом слезы и грязь по лицу. — А их из танков? Варикашка там. А я ещё ему орал, что меня, гад, бросил. Сам успел, без меня...

Глеб вспомнил лица депутатов на телеэкране: каждый день весь мир наблюдал за неприкрытыми зеваками прозаседавших парламентариев. И теперь народ, оскорблённый демонстративностью их спячки, на бис вызывал очередной танковый залп.

— Глеб, а что в «Останкино»?

— Говорят, побили там много. — Он заметил, что с балкона на них внимательно глядит десантник, делая вид, что беспечно покуривает. Но внимание всех вскоре переключилось на здорового черноволосого бугая, вытащившего из какой-то щели тшедушного человека с матерчатой сумкой и перевязанной рукой.

— Защитничек, братцы! С рацией. Я его запомнил. Он вчера мэрию брал, в людей стрелял!

Несколько афганцев устремились с эстакады вниз. Пока они спускались к цокольному этажу, бугай уже врезал пойманному в челюсть. Вокруг них образовалась толпа. Мужичку досталось ещё раз.

В толпе появился журналист, который сразу попытался сунуть под нос пленному большую грушу микрофона. Но его оттеснили.

— Общайте его! — кричали сверху. Киньте нам, а уж мы-то поймаем! — Да у него листовка!, — крикнули снизу. — Читайте! — Телеграмма о том, что без средств остался. — Что? Кем подписана? — Тельник с него снимите, гада! Порвите тельник, говорю! — Но тут толпа сверху заревела:

— Ведут! Дайте их нам! — внимание стоящих на эстакаде переключилось к подъезду Дома Советов. — Что-то мало их. Где остальные?

Тем временем пленного внизу раздели, порвали тельняшку. Обшмонав, нашли в сумке семечки и, поделив, принялись грызть.

— Он пьян до изумления, братцы! Оставьте его на сувениры! — посоветовал кто-то. И мужичок с разбитым в кровь лицом уполз в кусты, аккуратно подстриженные под глобус.

— Повезло ему, — заметил Валерка. — Журналисту пусть спасибо скажет, грушей разрядил обстановку. Да те, сверху, отвлекли. Надо уходить, Глеб. Скоро все кончится. Вон, где памятник революции — баррикада. Они стоят насмерть.

— Ну куда, ребята! — орал кто-то с той стороны. — Уходите! Уходите немедленно, — плаксивый голос испугал Глеба. Валерке замахал руками юноша с длинными волосами и серыми кругами вокруг глаз:

— Валерка, уходить надо! Скорее! — он пытался что-то втолковать сидящим на корточках грязным с землистыми лицами товарищам. И тут Глеб увидел, как толпа схлынула с площади, и вдоль скверика, мимо него и Валерки — на баррикаду двинулся бронетранспортёр. За ним тяжело, словно не спеша, вразвалочку, бежало несколько десантников. Глеб с ужасом понял, что оказался рядом с баррикадой, отрезанный бронетехникой от площади.

Они бросились прочь от баррикады по скверу. Глебу показалось, что длинноволосый полез прятаться в куст. Но парень неловко завалился головой вперёд и застонал. Над площадью свистели пули. Глеб увидел бетонный въезд, видимо, в подземный гараж. Люди прятались там. Но двери в гараж не было видно, и все сидели в этом тупике, прислонившись спиной к бетонной стене. Тупик был с выходом в сторону баррикады, а оттуда стреляли.

— Здесь нас перебьют, — сказал Глеб Валерке, и тот согласно кивнул. Кто-то, матерясь, пересаживался дальше, вглубь каменного мешка, но всё равно с одной стороны люди были совершенно открыты для пуль.

Внезапно у въезда в этот мешок вырос крепкий мужчина в костюме и рявкнул командирским голосом:

— Встать! За мно-ой ... арш! Живо! — он стоял под пулями спиной к баррикаде. Глеб подумал, что этот человек нашёл для них более надёжное укрытие, и поднялся. И поднялись все. А человек этот бросился прямо через площадь. Поднявшись, люди уже не могли остаться и, как загнипотизированные, повиновались командиру.

— Сюда. Скорее! — кричал он, и люди, сначала гуськом, а затем толпой — ринулись из сквера через площадь.

— Не беги, — сказал Глеб Валерке. — Не паникуй.

Их обгоняли бегущие, в основном молодёжь, а они двое шли — быстрым шагом, но шли. Глеб лопатками чувствовал, что вот-вот одна из этих серебрящихся где-то высоко над головой пуль вопьётся в него. Он не мог сказать, почему он не бежал?

Ему казалось, что в бегущего пуля попадёт скорее. Наверное, странно выглядело со стороны: посреди толпы бегущих людей шли двое.

— Спокойно. К подземному переходу, к мосту, — говорил Глеб, и Валерка послушно шёл рядом. Сзади ревели бронетранспортёры, давящие баррикаду.

Когда они залезли под мостик, ведущий к подъезду мэрии, бронетранспортёр уже пятился от баррикады. Глеб не видел, но ему сказали, что коммунисты поднялись в полный рост и все наверняка перебиты. Баррикада умирала яростно.

— Почему ты сказал — не бежать? — спросил Валерка, прячась за опору мостика.

— Спроси чего полегче. Лучше вытри лицо, застегни верхнюю пуговицу рубашки — поинтеллигентнее будь. И выбрось всё из карманов.

Валерка выгреб из кармана ветровки несколько патронов и осторожно, чтобы не звенели, выложил их под ноги. Люди передавали друг другу, что с Пресни сюда пробуют прорваться депутатские броневики. Глеб увидел, как пуля выбила искру из телеграфного столба над головами пропрезидентски настроенных зевак. Канонада с Пресни не умолкала. Страх после перехода через площадь не покидал Глеба, и он увёл Валерку в подземный переход. Стоя внизу на ступеньках и нервно покуривая, они теперь выслушивали насмешливые выпады краснорожего дядьки, сидящего наверху, на бордюре:

— Да не прячьтесь, ребята, это же — цирк! Холостыми стреляют.

В воздухе словно прозвенели хрустальные колокольчики.

— Дорогая, знаешь, что это? — спросил высокий плотный джентльмен свою даму: оба стояли на верхних ступеньках перехода и только по колени снизу были прикрыты камнем.

— Что?

— Это пули летят, — мужчина манерным, театральным жестом поправил седую шевелюру. — Когда этот дом строили, то потратили восемьсот миллионов рублей, по миллиону на одну тысячу кубометров объёма. Для семидесятых — ба-альшие денежки, уверяю тебя.

Валерка отряхивался, ни на кого не глядя. Все были словно в шоке, никто всерьёз не воспринимал происходящее.

— Ну, метнулись? — сказал, наконец, Дружбин и начал подниматься по ступенькам.

— Бодрее будь, — посоветовал Глеб. — Ты не должен казаться подавленным.

Они вышли из перехода и обнаружили, что примыкающая к мэрии проезжая часть Арбата заблокирована автобусами и военной техникой. Оставлен свободным лишь тротуар вдоль стены из гранитных плит. Но там полно было солдат, и они обыскивали всех подряд.

Очередной выстрел из танка заставил людей присесть — такой он был мощный. Снаряд разорвался внутри парламента. Пьяный краснорожий мужик, выпучив глаза, сполз с бордюра подземного перехода на колени — ошарашенный, замер, уставившись на Белый Дом.

— Урра-а! — взревела площадь, и даже послышались аплодисменты. Поражённый грохотом и мгновенно вспыхнувшим на двух этажах парламента пожаром, Глеб непроизвольно развёл руки и тоже хлопнул в ладоши. И поймал на себе изумлённый взгляд раскосых Валеркиных глаз.

— Закрой рот, — с истерической ноткой посоветовал Дружбин, — и не плачь от счастья. Пошли отсюда, все тут бараны. Бараны, которые блеют от восторга и ужаса.

— Они прострелили дом насквозь, — не верил собственным глазам Глеб. — Это чем стреляют? Слышал, общий объём здания — восемьсот тысяч кубических метров.

— Половина под землёй, не дрейфь.

Внезапно в окне предпоследнего этажа Дома Советов Мурашов разглядел пулемётчика. Сразу вокруг защитника стали лопаться чудом оставшиеся стекла. Пулемётчик не успел выстрелить — видно было как медленно заваливается внутрь ствол с ножками. Президентские снайперы отработывали свой хлеб профессионально.

— Отойдите от бронетехники! — иступлённо орал танкист с моста. — Уйдите все отсюда к такой-то матери!

Народ послушно прыскал в сторону, но через минуту-другую люди вновь потишечку начинали лезть на рожон, выбирались из-под эстакад, подземного перехода, во весь рост перебежали по площади. Словно играли в русскую рулетку.

С Красной Пресни послышалось сразу несколько взрывов и — затем — шквал пулемётных и автоматных очередей.

— Ага, — удовлетворённо кивнул Валерка, и тут же вспыхнула перестрелка на Арбате, справа, совсем рядом.

— Ты глянь, вон они! Во двор палат, — встревожился Дружбин. — Побежал видать кто-то к нашим. Или с Пресни прорываются. А войск сколько понагнали!

— Вечереет. В темноте начнётся костяника. Уходим немедленно, — Глеб уже не на шутку занервничал, когда взгляд вновь наткнулся на красный флаг в двадцати шагах, над цокольным этажом Мэрии. Он решил, что из подвалов выбрались защитники и во дворе дерутся со спецназовцами.

— Ты только улыбайся ради Бога! — попросил он Валерку. — А то и меня с тобой повяжут. — Он помолчал и тихо добавил. — Краснопузый ты наш.

— Буржуйская ты рожа, — не остался в долгу Валерка и широко улыбнулся.

Первый солдат обыскивал Мурашова нехотя, для отвода глаз, почти не прикасаясь. Второй вытащил из кармана куртки плоскую газовую зажигалку, долго вертел её и даже повернулся было к офицеру посоветоваться, но затем передумал и вернул. Рядом была горка отобранных вещей: листовки, гильзы, кусочки спирали Бруно. Валерка стоял лицом к стене, с поднятыми руками. Человек в бронежилете, но вроде гражданский, в маске, мысками своих ботинок раздвигал Валеркины ноги. Приятель широко, по-идиотски скалился. «Неужели запах костра учуяли», — ёкнуло в груди у Глеба.

— Валер! — пустился в опасную игру Мурашов. — Ты что застрял? На защитника похож?

И тут же сам оказался лицом возле гранитных плит.

— А ты что? Не похож, скажешь? Защитничек.

Теперь его обыскивали тщательно. Нашупали бумажник.

— Что это?

— Документы.

— Покаж.

Из маленького кармашка бумажника вынырнула вишнёвая корочка удостоверения с тиснением «Союз журналистов СССР».

— Защитничков пресса? — спецназовец прищурился.

— Нет, из Бартенёва, — брякнул первое пришедшее на ум Мурашов. — Ещё билеты не меняли.

— А то шлёпнем под шумок, — и он нехотя махнул рукой — проваливай. — Но буркнул все-таки в затылок. — «Защитничек».

Их обыскивали ещё раз, потом ещё, и Глеб решил даже не опускать рук, потому что каждый воин считал своим долгом пощупать его под мышками. Особенно доставалось Валерке, потому что раздражал суровых военных своей крупнозубой ухмылкой деревенского увальня. Глеб мысленно искостерил себя за совет ему — улыбаться. Среди

конфискованных вещей он увидел домкрат с каплями крови. Конечно! Это ведь надо кретином быть, чтобы посреди площади под мушкой автомата дербанить машину!

На перекрёстке обыскали в последний раз.

— Только в переход и налево! — грозно командовал высокий стройный солдат в малиновом берете и черно-белой мраморной форме. Но поднявшись из перехода, они опять очутились в живом коридоре спецназовцев, которые напоследок пожирали глазами каждого проходящего в веренице гражданских. Бравый квадратноскульный офицер внезапно схватил идущего впереди мужчину за воротник нового кожаного пиджака и вывел его за спины своих подчинённых. Ещё несколько шагов — и все! Впереди — сочувственные лица. Глеб крестится.

— Сигарету дай, — сипит Валерка.

— Сколько нас обыскивали?

— Тебя семь раз. Я по тебе считал.

Перед метро Смоленская стояло человек сорок коммунистов. Глеб понял, что это именно они защитники Парламента, или те, кто по идейным взглядам близок к ним. У них был подавленный вид. И ещё в выражении лиц этих, в основном, немолодых людей была скорбь, которая обычно сопутствует похоронам. Они не могли помочь своим: то ли не решились вчера заночевать в охране Белого Дома, то ли бежали при первом появлении техники, но сейчас они были отрезаны от пылающего оплота депутатов.

«Пусть лучше кровь возле Дома Советов, — подумал Глеб и вспомнил пытливые взгляды обыскивающих его солдат, — чем по всей России». И ещё он подумал, что лучшее средство предотвратить гражданскую войну — это не участвовать в ней.

Теперь ему стало ясно: на чьей стороне армия — те и будут кормчими. Если эти люди с серыми лицами уговорят двух-трёх генералов... Народ очень обозлён, ожесточён и ищет врага на ощупь, пальцами. Не дай Бог найдётся богатый оружием поводырь.

Как тут понять солдатику-дзержинцу, кто перед ним: лояльный гражданин или защитник, связанной с Красной Пресни или просто осёл из соседнего дома, которому собственного балкона для обзора недостаточно?

